

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АЗИИ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

*К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ
АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА
КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1966

И. В. Кормушин

**О ГРАММАТИЧЕСКОМ И ЛЕКСИЧЕСКОМ
В ГЛАГОЛЬНЫХ КАУЗАТИВАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Образования, которые в тюркологии и монголистика традиционно¹ относят к побудительному (понудительному и т. п.) залогу, не являются функционально однородными, что создает известные трудности при выяснении места и роли их в системе грамматических средств языка. Вот почему квалификация каузативов и категории каузатива, как единства абстрактно-грамматического значения каузативности и выражающих его формальных средств, столь различна. Во-первых, некоторые лингвисты, в отличие от сторонников традиционной точки зрения, исключают каузатив из разряда залоговых форм, настаивая на автономности оппозиции каузатив — некаузатив от оппозиции действительный залог — страдательный залог². Во-вторых, существует проблема отнесения категории каузатива к средствам словообразования, либо, напротив, к средствам словоизменения (точнее — формообразования)³. Дальнейшее изложение будет попыткой показать, что эти две проблемы взаимосвязаны, и что помимо субъективных моментов в различных решениях этих проблем отражается объективное противоречие лексико-грамматической природы анализируемого разряда глаголов.

¹ Подобная традиция идет, видимо, от А. Бобровникова (ср. его «Граматику монгольско-калмыцкого языка», Казань, 1849, стр. 123), которая затем через труды П. М. Мелиоранского получила всеобщее признание.

² Ср. А. Г. Шанидзе, *Глагольные категории акта и контакта на примерах грузинского языка*, — ИАН ОЛЯ, т. V, вып. 2, 1946, стр. 171—172. См. также Б. А. Серебренников, *О залог в финно-угорских и тюркских языках*, — «Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР», Уфа, 1958, стр. 61—72, 112—113.

³ Ср., например, полемическую статью В. С. Храковского «Существует ли словоизменительная категория залога в арабском языке?» (в кн. «Семитские языки», М., 1965, ч. 2, стр. 395—411).

Содержание каузативных (побудительных) форм описывается довольно единообразно: «... в понудительном залоге стоит такое действие, которое совершается его организмическим субъектом как бы по принуждению другого субъекта, ... при понудительном залоге мы наблюдаем как бы вмешательство одного субъекта в действие другого. Вмешательство это может выражаться в различных формах, и поэтому вместо: „заставляет читать“ по-русски в зависимости от стиля можно перевести: „заставляет // велит // позволяет // допускает. . . читать“»⁴.

В подобного рода описаниях признаки лексического и грамматического порядка являются перазграниченными. Широкое разнообразие лексических эквивалентов каузативной формы свидетельствует о том, что ее грамматической семантикой следует считать не каждый из этих эквивалентов и не сумму их, а то, что является инвариантным, т. е. то, что есть общего во всех этих эквивалентах. Инвариантным содержанием во всех употреблениях каузативных форм есть указание на то, что субъект выполняет действие через посредство особого — будем называть его фактивным — объекта. О посредствованная контактность действия по отношению к своему субъекту⁵ — таково грамматическое содержание каузативных форм, которое в таком виде обладает двумя основными признаками грамматического значения: абстрактности и инвариантности.

Реализованность грамматического значения каузативности имеет место далеко не всегда, что связано с модификацией лексического значения производной формы (каузатива) по сравнению с непродуцированной (некаузативом), которая заключается в изменении имплицитно выражаемых объектно-обстоятельственных характеристик. Указанная модификация бывает двух видов: либо в каузативе по сравнению со значением исходной формы появляется избирательность в отношении лексического типа объектов и обстоятельство осуществления действия, либо, наоборот, наблюдается расширение количества типов объектов и обстоятельств, соотносимых с действием и составляющих, формирующих лексическое содержание глагола. Несколько поясняющих примеров.

От глагола *ağ-*⁶ '1) подниматься вверх; подыматься, вздыматься; 2) испаряться' образована каузативная форма *ağdır-* 'уваривать (сироп)'. Значение каузатива сужено тем, что действие,

⁴ П. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка*, М.—Л., 1948, стр. 181.

⁵ См. А. Г. Шапидзе, *Глагольные категории акта и контакта. . .*, стр. 171.

⁶ Глаголы даются в форме основы. Значения берутся из «Турецко-русского словаря» Д. А. Магзаника (М., 1945).

выражаемое исходной основой, в каузативе осуществляется только по отношению к определенному типу объектов — к жидкостям, даже к определенному виду жидкостей, поэтому значение каузатива соотносимо только со вторым значением исходного глагола. Кроме того, значение каузатива сужено еще и тем, что в нем действие осуществляется вполне определенным специфическим способом или в специфических обстоятельствах в широком смысле слова: уваривать — значит испарять воду путем кипячения.

От глагола *aban-* '1) наваливаться; 2) опираться; 3) наклоняться, свешиваться' каузатив *abandır-* 'заставить лечь (верблюда)', как видим, конкретизировал значение как в отношении типа объекта — реального исполнителя, так и в отношении самого характера действия.

Каузатив *andır-* 'напоминать кого-либо, походить на кого-либо или что-либо' от глагола *an-* 'вспоминать, припоминать, упоминать' модифицировал свое значение, включив в него конкретные условия и обстоятельства осуществления действия: походить на кого-либо или что-либо — значит вызывать воспоминание о ком-то или о чем-то своим сходством с этим человеком или предметом.

Çok yağmur yağdığı bir gündü. Mahalle arası bir gölü andırıyordu (F. Baysal, Kestaneci Rahim). 'В этот день прошел сильный дождь. Улица наша напоминала озеро'.

Действие, выражаемое каузативным глаголом *bildir-* от глагола *bil-* '1) знать; 2) предполагать, считать, думать; 3) уметь, мочь', ограничено рамками первого значения исходного глагола, да к тому же в нем имплицитно подчеркнуто следующее обстоятельство: распространение действия на объект преследует цель вызвать в нем знание чисто внешнего информационного характера, поэтому каузатив имеет значение 'давать знать, извещать, оповещать'.

Geleceğimi eve telgrafla bildirmiştim, herhalde hazırlık yapmışlardır (S. Ali, Kürk mantolu madonna) 'О своем приезде я сообщил домой по телеграфу, наверняка они подготовились'.

Информационность как имплицитный признак, выраженный в значении каузатива, рельефно выступает при сравнении с возможным, но не развившимся значением: заставлять знать — обучать, где в последнем случае предполагается «вызвать» знание, касающееся существа познаваемого.

Второй вид семантической модификации каузативов, как было сказано выше, состоит в расширении количества имплицитных для глагола лексических типов объектов и обстоятельств действия, причем, как правило, подобное расширение связано с суже-

нием в части объектно-обстоятельственных характеристик, составляющих лексическое содержание исходного глагола.

Так, например, в глаголе *ağar-* '1) белеть, становиться белым; 2) сесть, стариться; 3) бледнеть, выцветать' система значений создается имплицитным выражением соотношения нерасчлененности по признаку типа объекта⁷: «становиться белым» вообще, о чем угодно — первое значение, и расчлененности этого признака, конкретизирующей тип объекта: «становиться белым» о волосах человека — второе значение; о вещах, имеющих какую-либо окраску и теряющих эту окраску, — третье значение глагола. В каузативной форме *ağart-* '1) белить, делать белым; 2) чистить, очищать; 3) обелить, признать невинным' нерасчлененность признака типа объекта сохранилась при соответствующей грамматической модификации — первое значение каузатива, тогда как расчлененность этого признака в том конкретном виде, в каком она наблюдалась в исходном глаголе, исчезла и заменена расчлененностью выражения иных типов объектов, а также особых обстоятельств действия, создающих по существу переносные значения, — второе и третье значения каузатива.

В каузативе *bindir-* '1) посадить верхом; посадить (на паром и пр.); 2) ставить вперед (часы); 3) прибавлять, увеличивать' от глагола *bin-* '1) садиться верхом; садиться (на паром, поезд и пр.); 2) подниматься, взбираться; 3) принимать тот или иной оборот (о деле)' произошло изменение в номенклатуре имплицитно выражаемых объектно-обстоятельственных характеристик действия по сравнению с номенклатурой таковых в исходном глаголе, которое проявляется в том, что второе и третье значения исходного глагола нельзя соотносить с лексическим значением каузатива, и наоборот, второе и третье значения каузатива несоотносимы с лексическим значением исходной формы⁸.

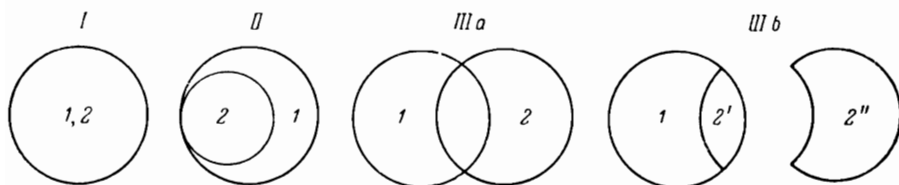
От глагола *oyna-* '1) играть, забавляться; 2) плясать, танцевать; 3) прыгать; 4) двигаться, шевелиться; 5) трепетать, дрожать, биться (о пульсе, сердце); 6) колебаться, быть неустойчивым; 7) тратить время попусту; бить баклуши; 8) играть (в карты и т. п.); проиграть (в карты и т. п.)' каузатив *oynat-* '1) заставить (велеть, дать) играть, забавляться; 2) заставить (велеть, дать) плясать, танцевать; 3) заставить (велеть, дать) прыгать, скакать, гарцевать; 4) перемещать с одного места на другое; двигать, шевелить; 5) ставить (на сцене); 6) разыгрывать, дурачить, вводить в заблужде-

⁷ Который при реализации в речи может выступить в предложении только грамматическим субъектом, так как глагол непереходный.

⁸ Размеры статьи ограничивают автора не только в количестве иллюстративных примеров, но и делают невозможным их достаточно подробное комментирование во всех случаях.

ние'. Седьмое и восьмое значения исходного глагола не реализованы в каузативе, а пятое и шестое значения каузатива не соотносятся с системой значений исходного глагола.

Соотношение каузативных форм, не подвергшихся семантической модификации, и форм, семантически модифицированных, можно в целях наглядности изобразить следующим образом:

I — нулевая ступень,

II — первая ступень,

III (IIIa, IIIб) — вторая ступень.

Окружности символизируют объем лексического значения исходного глагола — арабская цифра 1, и каузатива — цифра 2.

Под цифрой I изображен тот случай, когда каузативные формы глаголов не подвергаются семантической модификации и объемы их лексического значения равны (разница в грамматическом значении во всех случаях подразумевается): каузатив *aciktir-* 'заставить голодать, морить голодом' от глагола *acik-* 'быть голодным, проголодаться' и каузатив *biçtir-* '1) заставить резать; 2) заставить косить, жать; 3) заставить кроить' от глагола *biç-* '1) резать; 2) косить, жать; 3) кроить' могут служить иллюстрацией этой исходной стадии соотношения каузатива и некаузатива — нулевой ступени модификации.

К первой ступени модификации — схема под цифрой II — относятся уже разобранные выше каузативные глаголы *abandır-*, *ağdır-*, *andır-*, *bildir-*.

Ко второй ступени модификации — схемы под цифрой III — относятся также разобранные выше каузативы *ağart-*, *bindir-*, *oynat-*.

Особенность второй ступени состоит в том, что та часть лексического значения каузатива, которая не соотносится с лексическим значением исходного глагола (часть круга 2, выступающая за круг 1), представляет собой по существу отдельный от другой части каузатива омонимичный глагол, что и изображено на схеме IIIб. В словаре в таком случае нужно бы подавать эти слова следующим образом: *ağart-* I 'белить, делать белым', *ağart-* II '1) чистить, очищать; 2) *перен.* обелить, признать невин-

ным'; *bindir-* I 'посадить верхом; посадить (на пароход и пр.)'; *bindirt-* II '1) ставить вперед (часы); 2) прибавлять, увеличивать' и т. д.

Семантическая модификация каузативных образований складывалась, конечно, исторически, вырастая из фактов особенного употребления их в сопоставлении с необычными для исходной формы типами обстоятельств и объектов действия. Подобные употребления закрепились общественно-языковой практикой данного народа — носителя языка, стали поэтому внутренне присущими имплицитными признаками глагольного действия, выражаемого каузативной формой, что и совершило действительное переосмысление лексического содержания исходного глагола в каузативе. Объем значения семантически модифицированного каузатива, оказывается, уже невозможно предсказать на основе формулы: значение каузативного глагола равно лексическому значению исходного некаузативного глагола плюс грамматическое значение каузативности, благодаря чему такое модифицированное значение каузатива оказывается всецело словарным. Следует считать в таком случае каузативный глагол лексикализованным, а грамматическое значение каузативности (опосредствованной контактности) в нем нейтрализованным или снятым.

Лексикализация каузативных образований и нейтрализованность грамматического значения каузативности затрагивает одинаково, хотя и не в равной мере, переходные и непереходные глаголы с переосмыслением типов объектов и обстоятельств в определенном выше смысле. Правда, количественно здесь преобладают непереходные глаголы, а наиболее частое переосмысление — по типу объекта: объектом становится неодушевленный предмет, который не может мыслиться реальным исполнителем действия. Частое не значит абсолютное. Например, от глагола *öl-* 'умирать' каузатив *öldür-* 'убивать' лексикализован, хотя объектом лексического применения глагола остается одушевленный предмет: просто здравый смысл не допускает того, чтобы какое-либо живое существо можно было «заставить» осуществить свою смерть. Поэтому в глаголе *öldür-* и инициатива действия, и его реальное исполнение приписывается только субъекту. И все же статистически частая смысловая модификация каузативов — сопоставление с объектом — неодушевленным предметом, а вместе с тем и под влиянием этого иногда одушевленный предмет в определенных условиях может мыслиться как неодушевленный, что в обоих случаях приводит к нейтрализации каузативности. Все это свидетельствует о сложности выявления степени и границ лексикализации, требующего тщательного учета всех особенностей употребления каждого каузативного глагола в отдельности. А в том, что

такая работа важна, убеждает приблизительная оценка масштабности процесса лексикализации.

Помимо семантически модифицированных каузативов, образованных продуктивными аффиксами *-tir-* и *-t-*, к разряду лексикализованных должны быть отнесены и все каузативы, образованные непродуктивными суффиксами *-ar-*, *-ir-*, *-tar-* и их фонетическими вариантами⁹, даже независимо от того или иного их лексического значения. Всего же процессом лексикализации охвачено свыше половины каузативных образований, и есть тенденция к вовлечению в этот процесс все новых каузативов.

При учете явления лексикализации удовлетворительно объясняется возможность образования от каузативных глаголов страдательного залога и новых каузативов — каузативов второй степени, так как это все случаи образования новых форм от лексикализованных каузативов: *bildiril-* 'быть извещаемым' (а не 'быть заставленным знать'); *bildirt-* 'заставлять извещать' (а не 'заставлять заставлять знать')¹⁰.

На фоне некоторых особых случаев лексикализации объясними становятся параллельно употребляющиеся формы с одним и с двумя аффиксами каузативности: *akıttır-* в том же значении, что и *akit-*, *arattır-* // *arat-*, *beklettir-* // *beklet-* и т. д., из которых формы с двумя аффиксами следует считать опрощенными, так как первый аффикс по существу не несет в них никакого значения. Лексикализация и опрощение, как особый случай лексикализации — полный возврат к исходной семантике, — способны пролить свет на историю сложения некоторых каузативных аффиксов и целого ряда основ, однако все эти вопросы могут быть предметом отдельного рассмотрения. Здесь же мы ограничиваемся лишь описанием основных моментов, характеризующих явление лексикализации, и краткими замечаниями о ее довольно масштабном характере в системе языка.

В случаях лексикализации каузативные формативы бесспорно выполняют роль словообразовательных средств. Сложнее квалифицировать их роль в формах, не подвергшихся лексикализации, когда они выражают собственно каузативное значение.

Дело в том, что присоединение каузативного аффикса к глаголу вызывает появление в глагольной конструкции объекта, функции которого тесно связаны с задачами выражения значения опосредствованной контактности: если таковая налицо, то объект

⁹ См. А. Н. Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, М.—Л., 1956, стр. 201—202.

¹⁰ Ср. совершенно иную трактовку у Н. К. Дмитриева (*Грамматика кумыкского языка*, М.—Л., 1940, стр. 135—136 и у других исследователей.

является реальным исполнителем действия, т. е. он — фактитивный объект; если контактность нейтрализована, что имеет место при лексикализации каузатива, то фактитивный объект превращается в обычный объект глагольного действия. Таким образом, субъектные и объектные связи каузативного глагола оказываются тесно спаянными и взаимозависимыми, тем не менее и в каузативе, и в других формах глагола объектные и субъектные связи являются двумя лежащими в разных плоскостях особыми аспектами глагольной семантики.

Видоизменение и возникновение объектных связей означает подведение глагола-действия под определенный тип сочетаемости с объектами глагольного действия. Глаголы с этой точки зрения могут быть безобъектными (нулевая сочетаемость), с одним объектом, с двумя объектами и т. п. Изменение в типе сочетаемости варьирует границы конкретного в слове, и тем самым слово получает возможность для изменения своей соотносительности с реальностью, что означает модификацию грамматическими средствами лексического содержания слова. Каузативные, страдательные и иные формативы¹¹, которые, безусловно, изменяют объектные связи глаголов, являются с этой точки зрения словообразовательным элементом слова. В субъектной же линии своего функционирования эти формативы служат выражению определенного типа отношений между словами, а именно отношения действия к его субъекту.

В ряду фраз *Ben aldım* 'Я взял', *Ben alındım* 'Я был взят', *Ben aldirdim* 'Я заставил взять' соотношение действия со своим субъектом каждый раз иное: в третьей фразе указывается на опосредствованную контактность действия по отношению к субъекту, во второй — на центростремительность¹² действия, в первой не выражается (не подчеркивается) противоположностью второй и третьей фразам значение центробегности и непосредственной контактности, что и говорит о неотмеченности¹³ первой формы по отношению ко второй и третьей.

Функция выражения типа отношений принципиально разнится от функции выражения типа сочетаемости. В первом случае постоянное сочетание компонентов глагольной конструкции «дей-

¹¹ Под словами «и иные», «и другие» здесь и далее в аналогичных случаях имеются в виду остальные залоговые формативы, которые не являются предметом рассмотрения в настоящей статье.

¹² См. М. М. Гухман, *Развитие залоговых противопоставлений в германских языках*, М., 1964, стр. 8—9.

¹³ См. А. В. Исаченко, *О грамматическом значении*, — ВЯ, 1961, № 1, стр. 31 и 35—36.

ствие» — «субъект»¹⁴ получает различную «окрашенность» своего соотношения. Во втором случае компонент «действие» остается постоянным, а наличие или отсутствие компонентов «глагольных объектов» регулируется форматами каузативности, страдательности и др.

Сравнивая далее функции выражения типа отношений и типа сочетаемости, скажем, что первая составляет более высокую, чем вторая, ступень грамматической абстракции, и поэтому категория, содержание которой она составляет, относится к средствам формообразования (или шире — словоизменения). Каузативные, страдательные и другие форматы являются в таком случае *с л о в о и з м е н и т е л ь н ы м* (формообразовательным) *э л е м е н т о м* слова, а вместе они составляют единый ряд, соотносенный общностью выражения типа грамматических отношений — отношения действия к субъекту; этот ряд и составляет многочленную оппозицию категории залога. Таким образом, каузативные, страдательные и другие форматы *о д н о в р е м е н н о* являются и средствами словообразования, и средствами словоизменения. Усмотреть в этом положении формальнологическое противоречие, или же сказать компромиссное: одна из функций доминирует — нельзя. Здесь противоречие диалектическое. В одном отношении исследуемые форматы выступают в одном качестве (показ границ сочетаемости слова, граници лексического — словообразование), в другом отношении это же (эти форматы) выступает в другом, противоположном первому, качестве (показ типа отношений между словами — словоизменение)¹⁵.

Взаимосвязанность обеих функций каузативных форматов, обусловленная их осуществлением в рамках единой глагольной конструкции и единого глагольного форманта, приводит к тому, что очень часто лингвисты не расчлениают эти функции и включают объектные связи в характеристику залога. Всесторонняя критика этого неправильного приема и связанной с ним «логической» интерпретации залоговых отношений с подробной библиографией содержится в книге Э. В. Севортяна¹⁶. Кроме того, включение объектных связей в характеристику залога приводит к признанию «лексико-грамматического» характера категории залога¹⁷.

¹⁴ Постоянное в том смысле, что у глагольного действия обязательно есть свой субъект, выраженный отдельным словом или личным окончанием; безличные глаголы должны быть рассмотрены особо.

¹⁵ См., например, Б. Фогараш, *Логика*, М., 1959 (о диалектическом понимании принципа непротиворечия см. стр. 84—107 и особенно 94—95).

¹⁶ Э. В. Севортян, *Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке*, М., 1962, стр. 448—456.

¹⁷ Ср. С. Н. Иванов, *О соотношении грамматического и лексического в узбекских залогах*, — «Ученые записки ЛГУ», вып. 12 (№ 294), 1961, стр. 3—11.

«Лексико-грамматическая» категория — это уже хотя и очень распространенная, но все же лингвистическая фикция, основанная на смешении двух различных ступеней абстракции: лексического и грамматического. Как мы пытались показать выше, в глагольном каузативе, как и в любом, видимо, грамматическом классе и разряде слов, лексическое и грамматическое взаимосвязаны, но невозможно определить зависимость чего-либо одного от другого. Каузативные форманты в глаголе устанавливают его сочетаемость с объектом, а далее отношения глагола с объектом регулируются лексическим значением глагола, тогда как внешне это выглядит наоборот: типом объекта определяется лексическое содержание глагола. Те же формативы указывают на определенное отношение действия к субъекту. Конъюнкция этих двух функций в одном аффиксе такова же, как и соединение в одном показателе выражения категорий склонения и времени или падежа и числа.

Таковы кратко некоторые предпосылки для расчленения лексического и грамматического и выявления особенностей их взаимодействия в каузативных образованиях, что составляет важную часть научного анализа грамматического строя турецкого и родственных ему языков.